

Пенсионное время, пенсионное пространство: побег от работы к труду на сибирских избушках

Лидия Я. РАХМАНОВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Российская Федерация
<https://orcid.org/0000-0002-7475-3609>

Рекомендация для цитирования:
Рахманова Л. Я. (2025) Пенсионное время, пенсионное пространство: побег от работы к труду на сибирских избушках. *Социология власти*, 37 (1): 82-116. EDN: KRXTFC

For citation:
Rakhmanova L. Ya. (2025) Pension Time, Pension Space: Escaping from Work to Labor at the Siberian Huts. *Sociology of Power*, 37(1): 82-116.

Поступила в редакцию: 01.12.2024;
прошла рецензирование: 21.01.2025;
принята в печать: 29.01.2025
Received: 01.12.2024; Revised:
21.01.2025; Accepted: 29.01.2025

© Rakhmanova L., 2025
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме

В статье рассматривается влияние инфраструктурных, бюрократических, законодательных условий и контекстов в Среднем Приобье 2010–2020-х годов на возникновение территорий, сообществ, биографические траекторий и темпоральностей, не подчиняющихся сельской социальной логике. В фокусе внимания — слой малоизученных пространств — избушки, рыбацкие базы, заимки за пределами населенных пунктов. Темпоральная логика, в рамках которой развиваются эти пространства, — логика ожидания, подготовки к жизни на пенсии. Оригинальность изучаемой ситуации определяется разрывом, проявляющимся в различных формах социального напряжения. В один и тот же год на пенсию могут выйти 40-летние и 65-летние мужчины, каждый из которых проводит время на избушках, однако по-разному оценивает оставшееся время активной жизни в пространстве между селом и избушкой. Досада старшего поколения, часто не скрываемая в разговоре, расспросы молодых о планах на пенсии заставляют задуматься о том, что же в этой ситуации «не так», кроме неравенства возможностей. Место в структурной иерархии, наличие кормящего рабочего места — не конечная цель моих собеседников; такая несвобода оказывается инструментом для освобождения на пенсии. Для того чтобы описать, как благодаря разным типам замедлений и ускорений появляется особое пенсионное время, создаваемое ожиданиями владельцев избушек, я рассматриваю то, в чем заключается труд, которым

занимаются мужчины на избушках. Эти вопросы находятся в контрапункте с тем, как выглядит мужская работа в сельских учреждениях: восприятие работы на должности в качестве «бредовой» подтверждает специфику двухчастной стратегии молодых пенсионеров. Они ищут трудовую «зависимость», чтобы обрести «независимость» и свободу, которые они инвестируют в жизнь и труд на избушках.

Ключевые слова: труд, работа, пенсия, свобода, отдых, темпоральная стратегия, ускорение, избушка, Среднее Приобье, скрытый межпоколенческий конфликт

Pension Time, Pension Space: Escaping from Work to Labor at the Siberian Huts

Lidia Ya. Rakhmanova

National Research Insitution “Higher School of Economics”, St. Petersburg, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-7475-3609>

Abstract

The article examines how — due to certain infrastructural, bureaucratic, legislative, regional conditions, and contexts — territories, communities, biographical trajectories, and temporalities that do not obey rural social logic emerged in the Middle Ob region in the 2010s–2020s. The focus is on a layer of little-studied spaces — huts, fishing bases, farmsteads outside settlements. The temporal logic within which these spaces develop is the logic of expectation, preparation for life in retirement. The originality of the situation under study is determined by the gap that manifests itself in various forms of social tension. In the same year, both 40- and 65-year-old men can retire, each of whom spend time in huts, but differently estimate the remaining time of active life in the space between the village and the hut. The frustration of the older generation, often not hidden in conversation, and the young generation’s questions about their plans for retirement make one wonder what is “wrong” with this situation — apart from the inequality of opportunities. A place in the structural hierarchy, a place that pays for a living, is not the ultimate goal of my interlocutors; such unfreedom turns out to be an instrument for liberation in retirement. In order to describe how, thanks to different types of decelerations and accelerations, a special retirement time emerges, created by the expectations of the owners of the huts, I consider what the work that men do in the huts consists of. These questions are in counterpoint to what men’s work looks like in rural institutions: the perception of work in a position as “delirious” confirms the specificity of the two-part strategy of young pensioners. They seek work “dependence” in order to gain “independence” and freedom, which they invest in life and work in the huts.

Keywords: labor, work, retirement, свобода, leisure, temporal strategy, acceleration, hut, Middle Ob’ River reaches.

Однажды мы сидели на веранде рыбацкой базы и мечтали. Мечтали о том, чем можно было бы заняться и как заработать, если бы каждый из нас не был обременен своей нынешней работой: в администрации, скорой помощи, университете, пожарной части, лесничестве.

— Высвободилась бы куча времени! Вот как у Федора¹! Он молодец: отработал, все по специальности, все чин по чину. Теперь вот на пенсию выходит, а ведь молодой еще, силы есть! Ну и он, это... ведь у нас теперь специалист по тёлочкам! *(Последнюю фразу произносит звенящим от скрытого смеха голосом.)*

— По каким тёлочкам? *(Недоумеваю, начинаю улыбаться, что-то подозревая.)*

— Да эти, как их... гелифорды!

— Ге-ли-форды?

— Ну да, так их называют: гелифордские тёлочки у него в фаворе! *(с прищуром смотрит на меня и улыбается).* Коровы то есть. *(Смеется, рад, что игра слов удалась.)* У него сейчас весь карт-бланш, не то что у нас! Мы-то привязаны. А он выйдет на пенсию, так сразу субсидию или кредит возьмет, и купит бычков, коров там... У него вот сейчас гелифордов-то еще нету, а сено он уже с Илюхой косит. Вскладчину. Чтобы потом в зиму уже выходить со своим сеном и своими телочками. Все продумал! Готовится заранее.

Как я выяснила многими днями позже, заглянув в Википедию и введя, согласно произношению, «гелифордские коровы», в графстве Херефордшир еще в XIX веке действительно была выведена герфордская порода коров, экспортировавшаяся по всему миру, в том числе в СССР. В Сибири эту высокоадаптивную к климатическим условиям породу разводили на экспериментальных станциях. Похоже, что у моих знакомых все было продумано! И порода, и устойчивость к суровым морозам, и производительность, и сезон, когда их нужно покупать, и условия кредита! Даже заготовка сена для еще не приобретенных коров была предусмотрена.

Но основным лейтмотивом того мечтательного разговора была пенсия: пенсионное время представлялось моими собеседниками как время, когда полагается реализовывать давние желания и самые амбициозные планы. Молодость же представлялась временем кавальным и скудным. «Гелифордские тёлочки» как спутницы «настоящей», «во весь рост», жизни долго не выходили у меня из головы.

1 Все имена моих собеседников изменены.

Как-то раз ближе к завершению сезона покоса и вывоза сенных рулонов, глубокой осенью, я спросила Федора и его товарищей, будет ли он подавать на субсидию или брать кредит. Он рассказал, что собирает документы, доверительные письма, которые могут убедить чиновников выдать ему субсидию. Однако напарник не дал ему договорить, перебил:

— Да даже если тебе не дадут этих денег, Федя, да какая разница? Все равно мы-то знаем, что у тебя был классный проект, и кому как не тебе, свободному (*тут он сделал многозначительную паузу*), реализовать эту идею? А если дадут — то и сами дураки!

— Почему?

— Да известно же, что все субсидии на этих подсобных хозяйствах мало когда окупаются. Дают для старта деньги, но это все сложно раскрутить, сложно. Да и все стремятся это дело замять: мол, падеж скота... (*Федор в этот момент возмущался, рвался вставить что-то, но ему не дали слова.*) Но это все ерунда на самом деле, Федя! Главное, ты теперь косишь, ты посмотри, ты стал чаще нас навещать, на избушках бывать! Выйдешь на пенсию — еще больше времени будет. Своей обзаведешься.

Таким образом, разговор от сельского хозяйства, покосов и разведения коров вернулся в знакомое русло: жизни «на избушках», совместной рыбалке и охоте, а также мужским веселым застольям. Любопытно, что пастбищные животные не являются ядром «пенсионного фонда»¹ сибирских мужчин, как это происходит у мужчин в Лесото (Фергюсон, Ломан 2016, с. 161): разведение коров выступает в моем случае одним из «прикрытий» или оснований для того, чтобы жить «избушечной жизнью». Избушечная жизнь протекает в физическом и социальном пространстве за пределами сел и деревень; оно пронизано множеством дружественных связей, взаимопомощью, совместным трудом и отдыхом рыбаков/чиновников, пасечников/охотников/строителей, заведующих складом/фермеров/печников, трактористов и пожарников/рыбаков — все роли, профессии, сферы занятости тут просто не перечислить! Но всех их объединяет одно: страстное желание проводить время «на избушках» и заимках (своих и принадлежащих друзьям), трудясь согласно навыкам и опыту. Это становится возможным только благодаря «побегу» (в отпуск или на пенсию) с «официальной» работы.

85

1 «Если продавцы домашних животных, опрошенные экспертами по “развитию”, говорят, что у них нет иных источников дохода, кроме сельского хозяйства, это не значит, что они — “серьезные фермеры-животноводы” в противоположность “работникам-мигрантам”, возможно, они просто “вышли на пенсию”» (Фергюсон, Ломан 2016, с. 161).

Введение

«Существуют веские исторические причины, по которым зрелище людей, стремящихся к собственному подчинению и зависимости, вызывает у нас такой дискомфорт». (Fergusson 2013, p. 224)

Эта история, живописующая сельский и таежный труд в постсоветской России 2015–2020-х годов, посвящена отнюдь не стратегиям выживания. Я расскажу о физическом труде, который связан с промыслом и натуральным хозяйством (subsistence) (Humphrey 2000), а также любопытной системой жизнеобеспечения (sustenance) на избушках за пределами сельских населенных пунктов. Однако логики и воображения, которые управляют этими «островками» жизни в Сибири, далеки от логики и поэзии дачных «шести соток» (Pallot, Nefedova 2003, 2007; Clarke et al. 2000; Касаткина 2015, 2024). Вместо «картофельных онтологий» (potato ontologies — см. Ries 2009), возникающих там, где даже радость труда (а также привычка к труду) на участке связана с необходимостью прокормить семью, я предлагаю «избушечные онтологии» молодых пенсионеров, создающих свою вселенную за пространственными и временными пределами «бредовой» работы (Гребер 2020). Работая на ненавистной работе, во многом бессмысленной, по их собственному мнению, в ожидании раннего выхода на пенсию, в любую свободную минутку они трудятся над строительством избушек.

Эта вселенная разворачивается в Среднем Приобье в последние десять-пятнадцать лет благодаря новым формам трудовых и карьерных стратегий мужчин 30–50 лет. Избушки, построенные вышеупомянутым поколением людей, сформировали совершенно иной социальный и географический «слой» избушечной сети: это стало возможным благодаря мужской находчивости и лазейкам в трудовом законодательстве. По сравнению с историями тяжелого труда охотников и рыбаков, выживавших на своей добыче в конце 1990-х — начале 2000-х, в этой истории есть много удовольствий и радостей, лени и скрытого отдыха.

Мое исследовательское удивление базируется на удивлении старшего поколения пенсионеров, которые, участвуя активно в обсуждении планов на будущее своих друзей помоложе, заметили, что у последних совершенно иное отношение к работе, пенсии, к труду и отдыху, нежели у них самих. В некоторых ситуациях я только по глазам и интонациям понимала, какое возмущение испытывают мужчины 60–70 лет, которые вышли на пенсию совсем недавно, и ощущают себя постаревшими, утратившими физическую (и в целом — жизненную) силу. Теперь, наконец, они свободны от графика той работы, которая лишь по выходным или в отпуске позволяла им вырваться на избушку рыбачить, охотиться и просто жить в тишине, вдали от семьи и поселковой жизни. Однако возможность свободно

распоряжаться своим временем не удастся использовать в полном объеме: сил достраивать дом, заниматься тяжелым физическим трудом, охотиться в тайге на лыжах и пешком — осталось к моменту выхода на пенсию очень мало. Вышеописанный контекст ставит меня в тупик как исследовательницу: поскольку мои трудовые, биографические обстоятельства сильно отличаются от обстоятельств, в которых принимают решения мои информанты, мне потребовалось несколько лет, чтобы вникнуть в эту запутанную историю и поставить исследовательский вопрос.

В своем исследовании я хочу понять, каким образом интерпретируется разными поколениями мужчин в сельской России *ранний выход на пенсию* — в репертуаре, варьирующем от безусловного карьерного и бюрократического успеха («*красава, грамотно использовал возможности, данные государством!*») до осуждаемого поведения («*в твои годы мы батрачили, а ты...!*»); а также то, как эти суждения подогреваются не только наблюдаемыми темпоральными изменениями в жизненных стратегиях (возраст выхода на пенсию), но и пространственными изменениями на неурбанизированных территориях Сибири (бум в строительстве таежных и речных избушек).

Поскольку пенсия как временная и бюрократическая категория напрямую связана с понятием труда, то я вижу в качестве одной из задач данной статьи проблематизацию соотношения (и отношения) труда и отдыха (*labour/leisure relationship*) в нескольких контекстах. Во-первых, я дополняю пространство труда, отдыха и повседневной жизни в деревне — дополнительным, мерцающим и периодически востребуемым *пространством* баз и избушек (заимок). Во-вторых, я расширяю и проблематизирую соотношение труда и отдыха *темпорально*: для этого необходимо ввести также различия труда и «работы» (в значении официальной ставки), а также «заслуженного отдыха» на пенсии, который можно «заработать» только на такой официальной работе с пенсионными и страховыми отчислениями.

Второй, темпоральный, контекст проявляется, с одной стороны, в перспективе бюрократической классификации возрастов мужчин и женщин (активный трудовой, предпенсионный, пенсионный), а с другой — в биографическом повествовании каждого моего собеседника и героя исследования. Бюрократическое определение границ пенсионного возраста можно «сдвинуть», «обмануть», построить удобным образом благодаря разным стратегиям. Рождение детей, северные надбавки, госслужба и другие ходы могут снизить возрастной порог выхода на пенсию. Эти индивидуальные стратегии и способы использования официального понятийного аппарата сельскими жителями в России показывают, каким образом происходит ускользание из государственной системы и жизнеобеспечения благодаря ресурсам самой этой системы.

Понятия «ускользание» и «избегание» хорошо этнографически изучены в контексте искусства не быть управляемым (Scott 2009) и связаны с ускользанием от взгляда государства и его пристального контроля над доходами, доступом к благам, стратегиями прокреации, качеством труда, возможностями мобильности и идеологическими настроениями. Однако мое исследование не фокусируется на радикальных примерах неуправляемости, а, напротив, показывает пример максимальной включенности в систему государственного обеспечения и социальных льгот. Обеспеченность и экономическая стабильность современных владельцев избушек не имеет ничего общего с интенцией «ухода в лес» и существования без паспорта и ИНН. Напротив, лозунг таких людей — «в лес только с паспортом! В лес — только после выполнения трудового гражданского долга и выслуги лет!». Рассматривая эти стратегии, я задаюсь вопросом, от чего же именно удастся постсоветским мужчинам хабитуально ускользнуть (*habitually escape* (Scott 1998, p. 191)), сбегая в пространство избушечной жизни? Да и ускользают ли они, по сути, *от* чего-то, или же аккумулируют все возможности *для* того, чтобы на избушках обрести то, чего им не может дать сельский мир? Ниже мы увидим, что акцент на ускользании «от» и бегстве «к» или «для» лежит также в основе логики двух разных поколений мужчин.

88

От чего спасает избушка: сельские рутины и бредовая работа

В тех местах, которые я уже более восьми лет считаю своим этнографическим полем, — среди отдаленных деревень, советских лесозаготовительных поселков, среди разбросанных по берегам рек и тайге избушек — всюду тяжелый физический труд проявляет себя. Малоприбыльный, приносящий скудные плоды (*marginally profitable, very meagre*) (Clarke 2000, с. 491) мужской труд, который «кормит», продолжает сохранять свои приоритетные позиции в культуре небольших поселков, несмотря на катастрофическое материальное положение семей, несмотря на невообразимую степень деградации транспортных и социальных инфраструктур. Однако было бы слишком большим обобщением сказать, что такие неформальные экономические практики, связанные с природопользованием, являются основным и тем более единственным доходом семей¹. Небольшие зарплаты в бюджетном секторе, материнский капитал, пособия, пенсии, зарплата жены более пригодны для со-

1 Ср. с «оно лишь в незначительной степени рентабельно с точки зрения денежных или продовольственных выгод и, скорее всего, убыточно с точки

держания семьи, чем изнуряющий, порой «выворачивающий руки» труд рыбака, вытаскивающего забитые лещом сети!

Здесь мы имеем дело с определенной «странностью» выбора мужчин, с загадочной прагматикой труда без вознаграждения подобно тому, как ценится в Лесото скот, который не продается, несмотря на бедственное положение семьи (Fergusson 1985). Я, с своей стороны, предлагаю иначе смотреть на инерцию ценности охотничьего и рыбацкого промысла на избушках: является ли мастерство самоценным или же служит оправданием и прикрытием для осуществления других практик и желаний? Разговоры молодых и пожилых охотников о навыках и охотничьих традициях зачастую отсылают к «рутине бедствий»: в этой логике промысловики — те, благодаря которым удалось выжить без работы и средств. Здесь этот аргумент близок к тому, как о «рутине бедствий» пишет Джеймс Скотт в контексте крестьянских (а не охотничьих) альтернативных путей обеспечения, спасения и гибкости. Любопытно, что у понятия «кормящий труд», понимаемого обычно как *промысел* (добыча пищевых ресурсов), есть и другое значение. Работа на «кормящем» бюджетном месте в администрации, на складе, в гараже и ремонтных мастерских ведомства, в школе, на почте — это занятие, требующее минимального вложения физического труда, и при этом постоянной вовлеченности в монотонную «бумажную» работу. Ключевой особенностью такой работы на ставках в поселках и деревнях является ее непроизводительный характер; она находится вне и за пределами политик производства (Bugawo 1985). В интервью и неформальных разговорах мои собеседники постоянно обращались с ностальгией к периоду до 1995 года, когда большая часть из них была причастна к «настоящему» производству: заготовка древесины, сплав леса, производство консервов на рыбном комбинате. Само природопользование (лов рыбы, рубка деревьев) было неразрывно связано с малым фабричным производством.

Сейчас производство оказалось рассредоточено среди магазинов, пекарен, холодильных установок скупщиков: остальному же населению отведен, по свидетельству информантов, ничего не производящий сектор: административная работа, обеспечение безопасности, учет имущества, работа с гражданским населением, социальное обеспечение. Именно ее мои собеседники воспринимают как «бредовую» в определении Дэвида Гребера (2020). Неоднократно собеседники отмечали, что если бы они и не просиживали штаны на этом месте или даже вовсе не вышли на дежурство/смену, возможно, никто бы и не заметил.

зрения общей производительности труда и вложенных усилий» (Ries 2009, p. 190).

Несложная административная работа по «перекладыванию» бумажек или санитарных проверок для галочки в бюджетном учреждении села — это работа, в которой факт труда намеренно демонстрируется, но на самом деле практически отсутствует. Однако это лишь мое описание наблюдаемых практик административных служащих. Этнографически имеет огромное значение то, как сами трудоустроенные в райцентре и деревнях мужчины оценивают бессмысленность и бесполезность своих занятий, тем не менее приносящих доход. Приведу фрагмент из полевого дневника (ПМА 2024, февраль):

Для меня очень показательным стал разговор в сельской больнице, пока я ожидала очереди к врачу. Двое мужчин обсуждали дела в селе и в районе, где рядом расположено несколько избушек дружественных им хозяев. Житель села, семейный человек, рассказывал, что выкупает мини-лесопилку и получает онлайн-образование «для корочек», которые, по его мнению, «никогда не помешают. Так что бы их не получить, пока время есть?». Собеседник поразился, как его товарищ все успевает. Тот объяснил, что дежурства его на основной работе не отнимают внимания и душевных сил, а только время, и потому остается некая искра, чтобы заниматься предпринимательством и «получать корочки». Затем он усмехнулся и подчеркнул, что из-за специфики работы в селе «таких дипломов из разных институтов страны у меня уж целая коллекция!». Казалось бы, стратегия труда, заработка, досуга была ясна. Но не тут-то было! Дальше разговор зашел о том, что все эти усилия, проба пера в различных направлениях деятельности для мужчины лишь способ заполнить время в ожидании того, как один чиновник выйдет на пенсию, в отставку по возрасту, и тогда тот (со всеми своими корочками и опытом) займет это место.

90

Слушая этот разговор, я начинала ощущать, что нахожусь в обществе, где все ждут либо своего собственного выхода на пенсию для освобождения времени и сил, либо выхода на пенсию других людей для занятия их должности. Интересно, что в период ожидания, когда удобное служебное место освободится, кандидаты на эту должность не рассматривают работу на ней как бредовую. Получив же ее, формулируют свое отношение лишь узкому кругу друзей, да и то в сердцах: ведь негоже жаловаться на то, что так желал некогда получить.

При этом здесь, безусловно, проявляется третье значение «кормящего труда» чиновника, труда, который кажется достаточно легким (и физически, и интеллектуально) со стороны, и при этом быстрее приводит к выслуге лет. Таков образ «удобной» чиновничьей работы для предприимчивого мужчины средних лет из крупного села.

Как действуют счастливицы, занятые на непыльной работе? В этой ситуации мое внимание привлекает та легкость, способность не утруждать себя на бредовой работе, тем не менее желая от нее поскорее освободиться (не в конце рабочего дня, а в конце трудового стажа). Это освобождение от бредового занятия совсем не то же, что освобождение от «муки» организованного наемного труда, о кото-

ром пишет С. Петряков, обращаясь к пониманию труда сборщиками ягод, вырвавшихся из прежней рабочей рутины: «“мука”, т.е. структурная необходимость зарабатывать на жизнь, становится овеществлена посредством ненавистных понедельников, утреннего мороза или жары» (Петряков 2024, с. 67). Напротив, мои информанты любят подчеркивать, что унижительность бредовой работы еще и в том, что внешне она выглядит очень легкой и необременительной, и не служит достаточным оправданием для занятости мужчины. Труд «на избушке» (в выходные, отпуска, на пенсии) хорош тем, что не только не бессмыслен, но и достаточно тяжел, чтобы вызывать уважение.

Но считают ли такой удобной работой свои обязанности, например, рыбинспектора? Важно, что их деятельность в рейдах сочетает бюрократическую работу с документами и физический труд — сутки в лодке или на снегоходе, в метель, в шторм, в поисках пунктов обогрева или отдыха. Здесь я приведу контрастный пример, чтобы показать, как то, что кажется идеальной работой для трамплина к пенсии, для самих чиновников таким идеалом не является.

В один из холодных зимних вечеров два инспектора заехали по дороге в избушку в гости на своем снегоходе. Они очень устали с дороги, но затем, отогревшись, разговорились и стали рассказывать о своем бедственном положении. Будучи ответственными работниками, они были обязаны «показывать», во-первых, результаты (протоколы), а во-вторых, деятельность. Первое было нужно для руководства. Второе — для сообщества рыбаков, чтобы показать, что «они здесь», исправно исполняют свои инспекторские обязанности и не намерены сдаться и прекратить рейды из-за сильных морозов. Однако их очень огорчило то, что из-за морозов и сложной ситуации с рыбными запасами последнее время (уловы были мизерными) проверять и «ловить» было совсем некого. Таким образом, их героическое усилие, чтобы сохранить авторитет на реке, оказалось бессмысленным — они никого не встретили, но и их никто не увидел! И только через систему избушечных слухов они могли передать местным жителям косвенно, что они на самом деле «работают» и были в рейде.

91

Именно тут мне стало очевидно, в каких особенно странных обстоятельствах конструируется «бредовость» инспекторской работы. Она не так монотонно-бессмысленна, как работа административного сотрудника: в моменты удачи, множества протоколов, погонь, разборок бредовая работа инспектора приобретает почти героический отблеск! Но не так было нынче: этот случай показывает, что некоторые работы раскрывают свою бредовость и бессмысленность в контрапункте с успехом. Таким образом, то, что может примирить работника с бессмысленностью его работы, — это периодические «вспышки», при которых появляется результат: когда что-то с очевидностью произведено, создано, сформировано: стог сена, протокол, петиция, пожарный водоем и т.д. Однако село, деревня являются пространством «бумажной работы», тогда как избушечная жизнь

связана с физическим трудом, в котором вложенные усилия оказываются не иллюзорными, а результат принадлежит не нанимателю, а самому охотнику/рыбаку. Напротив, работа с бумагами представляет собой труд, который не может быть отчужден, поскольку он, по мнению информантов, не является производящим.

Этот контекст позволяет преодолеть двойственность отношения к труду, о которой пишет М. Моллона (2005), сравнивая труд работников горячего и холодного цехов на фабрике, одни из которых получают твердую ставку независимо от выработанных объемов, а другие стремятся к превышению минимального плана производства. В рассматриваемом же мной российском случае ни мастерство, ни связь с традицией, ни интерес в премиальных выплатах, зависящих от «выработки», не руководят работниками, занимающими «кормящие места» в постсоветском сельском трудовом ландшафте. Рабочие часы, квартальная и ежедневная производительность труда — это понятия нерелевантные тех ставок, которые стремятся занять мои информанты, одновременно мечтая от нее поскорее избавиться. Их взгляды на труд (понимание труда) становятся ясны лишь в перспективе нескольких десятков лет.

92

В поселке работающие мужчины исправно предъявляют работодателю повторяющуюся малопродуктивную рутину «для отвода глаз». Но действительно ли они трудятся «на избушках»? Куда исчезает освобожденный труд в их случае и ведет ли он к обретению долгожданной свободы? Да и свободу ли стремятся обрести мои собеседники? В ней также труд и работа окружены сетью хитростей, обманов и даже самообманов, которые необходимы, чтобы прорваться к «простому» труду «на избушках» сквозь рутину бредовой работы. Пересматривая полевые дневники, я пришла к мысли, что высвобожденный труд, интенция трудиться, на самом деле совершенно не обязательно проявляет себя за пределами населенного пункта (на избушке). Более того: «отдыхая» на избушках или трудясь очень понемногу, мужчины прикрываются видимостью активного тяжелого труда, как бы оправдывая свой скорый уход с «бредовой работы» (Гребер 2020) на пенсию. И если задача сезонных сборщиков ягод, вырвавшихся из заводской или офисной «муки» и рутины, — сделать свой труд непохожим на предшествующий трудовой опыт, «сшивая» перекуры и отдых с физическими нагрузками (Петряков 2024, с. 63), то в моем случае перекуры и отдых стараются завуалировать, вынося на обозрение тяжелый труд, колку дров, строительство сруба избушки. Важно не то, как желанная свобода выглядит для самого мужчины: важно, чтобы другие видели в этой свободе тяжелый труд, оправдывающий ранний выход на пенсию.

Здесь стремление к небредовости труда смыкается концептуально со свободой — но, скорее, не в бюрократическом смысле, а в про-

странственном (свобода жить не дома). В связи с этими наблюдениями я позволю задать провокационный вопрос: так *трудится* ли кто-то «на избушках» вообще? Или это огромная иллюзия, создаваемая коллективно мужчинами, регулярно выезжающими за пределы обитаемого поселкового пространства в неизвестном направлении?

Труд и трудности как неотъемлемая часть жизни на избушках

Чтобы разобраться в том, как местными жителями понимается и различается труд и работа, труд и отдых, ценность и бесполезность/бессмысленность труда, необходимо последовательно описать, из чего складывается день «на избушке» в разные сезоны, какие виды практик являются неотъемлемой частью этой сложной хозяйственной деятельности. Прежде всего, труд хозяина избушки заключается в строительстве и содержании здания и подворья (окружающих хозяйственных построек). Задачи, составляющие контекст этих трудовых усилий, становятся ясны, если увидеть, что может произойти с избушкой, на которую долго не навещался ее хозяин. Угроза есть со стороны людей (недоброжелатели или, напротив, подвыпившие случайные «гости» могут спалить избу, или же она может истлеть, а ее остов поглотит тайга) (рис. 1).

93

Рис. 1. Остов сгоревшей избушки-вагончика в западносибирской тайге. Сентябрь 2018 года. Источник: фото автора.

Fig. 1. The carcass of a burned hut/carriage in the West Siberian taiga. September 2018. Source: by the author.

На сегодняшний день даже в таежном пространстве срубить избу не так уж просто: зачастую там, где находятся общедоступные охотничьи угодья, часть из которых негласно местными жителями считается местом охоты конкретного охотника или семьи, нет подходящего строевого леса. Кроме того, если строить официально — нужно получить участок на вырубку: а он может располагаться крайне далеко от места строительства. Ситуация с лесным фондом в постсоветской Западной Сибири критическая: восстановительные лесопосадки после распада Советского Союза велись некачественно, саженцы в большинстве случаев погибали в первые годы. Таким образом, тайга переполнена неприбранными вырубками, нерасчищенными буреломами, заброшенными участками лесозаготовок. Картина разительным образом отличается от условий, в которых советский охотник в 1950-е годы ставил свою лесную избушку. Тем не менее этот поврежденный хаотичными рубками лес — место обитания пушного зверя и боровой птицы. Эти обстоятельства не только определяют те условия, в которых разворачиваются трудовые практики владельцев избушек: строительство и поддержание жизни в этом пространстве сопряжено с рядом трудностей. Как сами охотники понимают и различают понятия «труда» и «трудностей»?

Прекрасная иллюстрация такого разделения и игры с понятиями — история про советского охотника, который воспитывал сыновей в 1990-е годы. В этот период работа «штатных охотников» перестала быть «работой»: трудоустроиться охотником было невозможно. Мой собеседник оценил ситуацию и понял: с детства он растил мальчиков в любви к тайге, любви к совместному физическому труду, направленному на поддержание охотничьего «домохозяйства». Теперь пришло время «отвадить» их от тайги, заставить разочароваться в тайге, чтобы они могли найти свое место в том мире, где есть официальная «работа», а не только труд. Отваживать от тайги он решил через изнуряющий труд, что в контексте предложенной мной оппозиции сельской «официальной работы на ставку» и охотничьего труда является примечательным фактом.

— Ну как отваживал? Давал непосильные задания, чтобы они это разлюбили, чтобы возненавидели этот труд. Заставлял их прорубать дорогу к избушке, чтобы осенью подготовить зимник. Они рубили лапник, разгребали завалы, тяжеленные стволы! Нагружал еще их тяжелой техникой, они пешком несли через лес на себе пилы, электрогенератор...

— Ну и как, получилось «отвадить»?

— Думаю, что да (усмехается). Я ведь как смотрю: у них теперь нормальная работа есть, городская. Они нашли свое место, образование получили. А так что — в тайге бы сидели со мной? Я вовремя успел (м., 65, охотник, в прошлом — рыбак, предприниматель по реализации чермета).

Этот эпизод показывает, как можно использовать тяжелый труд в наставнических целях: то, что в детстве преподносилось отцом как ценность и требовало самоотверженности, теперь перевернуто с ног на голову: физический труд теперь «не в чести». Его место занял более соответствующий экономической ситуации 1990–2000-х интеллектуальный, высококвалифицированный труд, связанный с образованием и дающий перспективу переезда из деревни в город, а также другие социальные лифты¹.

Тем не менее для себя самого охотник, отец двоих сыновей, сделал иной выбор: «отвадив» мальчиков от тайги, он сам решил оставаться в ней, более того, за счет реализации найденного в тайге металла (остатки узкоколеек и лесозаготовительная техника) он создавал себе условия для того, чтобы продолжать жить охотничьей жизнью. Так, занимаясь малым предпринимательством, имея нерегулярный доход, охотник смог финансово обеспечивать собственное время труда в тайге: его небольшая пенсия, оформленная в период российских реформ, не позволяла ему жить исключительно за ее счет.

Оставшись один, без помощников, он создает свой распорядок труда и отдыха на заимке — комплексе надворных построек, включающих избушку, баню, дровяник, туалет. Его задача — колка дров, поддержка тепла в избушке, проверка петель и капканов на зайцев и соболей. Ходьба по заметенному путику² (рис. 2) требует сноровки и больших физических усилий. Вечером, при свете керосинки или диодной ленты, запитанной от автомобильного аккумулятора, хозяин свежует соболей и выделывает шкурки первично, подвешивает их на просушку на потолочные крюки возле печки.

95

1 Ровесник этих подростков — мальчик по прозвищу Черчилль в те же самые годы оказался в эвенкийской тайге в тяжелой ситуации после смерти родителей. Н. Ссорин-Чайков, наблюдая за его воспитанием и возмужанием в двух оленеводческих хозяйствах, вспоминает также реакцию народного депутата от регионального комитета, который, узнав, что мальчик не вернулся в школу осенью, оставшись постигать мастерство оленевода и охотника, заметил: «Сколько волка ни корми — он все в лес глядит» (Ssorin-Chaikov 2003, p. 39–44). Политики советского и постсоветского «приручения» отсталости через просвещение подчеркнуты в данном случае также политикой в отношении коренных народов Севера. В моем же случае, несмотря на деконтекстуализацию с этнической точки зрения, таежный и речной промысел сам по себе остается доменом «дикости», а таежные навыки противопоставляются знаниям и образованию, необходимым для городской жизни.

2 Тропа, маршрут, пролегающий по лесу от одной ловушки до другой, по которому перемещается охотник.

Рис. 2. Охотник, владелец нескольких избушек, проверяет ловушки недалеко от основной избушки на охотничьих лыжах. Февраль 2024.

Источник: фото автора.

Fig. 2. A hunter who owns several huts checks traps near the main hut on hunting skis. February 2024. Source: photo by the author.

96

Каковы другие нагрузки обитателей избушек? При охоте на лося скрадом¹ много километров приходится проходить по тайге и боло-там, а в случае, если не удастся вернуться засветло — приходится заночевать в переходной избушке² или прямо у костра. Таким образом, труд охотника опирается на следующие навыки: выносливость, терпеливость, способность к мобилизации в критических ситуациях. Перенесемся теперь в стан рыбаков и рассмотрим особенности труда в их промысле и жизни.

Если в тайге строительство избушки кажется более простой задачей (строительный материал растёт вокруг), то чтобы построить рыбацкую избушку на берегу реки, требуется гораздо более сложная логистика перевозки стройматериалов. Во время моего пятидесяти-летнего пребывания в поле на берегу Оби в 2024 году рыбаки обсуждали возможности строительства новых избушек, ремонта старых и возведения пристроев — дополнительных комнат рядом с основным срубом центральной избы.

1 Охота скрадом — пешая охота, иногда занимающая много дней, основанная на длительном выслеживании животного по следам. Отличается от охоты при помощи снегоходов, где силы охотника и зверя не равны.

2 Переходная избушка — жильё охотника, временная база, служащая опорным пунктом вдали от основной заимки, в которой имеется все необходимое для жизни. Переходная избушка используется, как правило, на одну ночь, если охотник не ранен и не травмирован.

Дело в том, что лето 2023 года стало переломным для многих избушечных домохозяйств. Ураган выкосил гигантские деревья, сформировал завалы, в которых невозможно охотиться людям, а лесам искать пропитание и убежище. Избушку одного рыбака, находящуюся в промысловом и очень живописном месте, вовсе завалило огромными березами.

Много труда и времени ушло на то, чтобы под завалами отыскать уцелевший дом и освободить его. Как ни странно, эта катастрофа, предвестник «трудностей», вызвала огромный энтузиазм у владельцев избушек: даже те, чье жилище не пострадало, задались вопросом об обновлении, ремонте, достройке.

Чтобы завезти стройматериалы на берег реки, нужно выжидать середины марта, когда зимник на реке установится, день станет подлиннее. От лесопилки на грузовике, затем на нескольких снегоходах караваном, привлекая помощь друзей и родственников, готовый брус или бревна отстоявшегося сруба волокут по зимнику до места строительства избушки. Это мероприятие требует подготовки, удачи и стечения нескольких обстоятельств: хорошей ясной погоды, отсутствия внезапной зимне-весенней оттепели, совпадения графиков выходных и отгулов у помощников хозяина избушки, которым приходится иногда отпрашиваться с основной работы, чтобы помочь другу.

97

Здесь особенно важно отметить, что для физически и технически тяжелых задач требуется команда людей, некоторые из которых работают в селе, некоторые — вышли на пенсию, некоторые — приехали домой на студенческие каникулы. Все они синхронизируются, вкладывают свое время и труд, и, таким образом, избушка возводится или перестраивается постепенно, в этих «временных зазорах» между сельскими и городскими делами и работами, а также в соответствии с пониманием экологического времени (Evans-Pritchard 1940, p. 100–102). Фактически новое *пространство* создается (вернее, пространство неосвоенных (или заброшенных) охотничьих и рыбацких угодий и территорий переозначивается) благодаря высвобождению *времени* за пределами работы.

Мои информанты давно отрефлексируют это обстоятельство по-своему: для них это стало толчком к разработке индивидуальных темпоральных стратегий, в которых труду и работе на ставке отводятся свои места, а ранняя пенсия становится желанным ресурсом для того, чтобы освоение загородного дикого пространства шло еще более быстро и эффективно. В следующем разделе я покажу, как по-разному два поколения сельских жителей, два поколения мужчин, работают со временем, используя ускорения и замедления разных типов времени в своих целях.

Бюрократические ускорения, биографические замедления: игры со временем вокруг избушек

«Мы все ждем будущего — но не одного и того же, не одним и тем же способом и не в одном и том же темпе» (Rundell 2009, p. 51)

98

Рассмотрев этнографически, что представляет собой труд «на избушках» для поколений молодых и пожилых охотников и рыбаков, я предлагаю поставить вопрос о том, кто и как трудится в лесу и на реке, важно понять, каковы ритмы труда на избушке и кто именно там трудится, а кто — отдыхает? Здесь необходимо разделить два поколения мужчин. Старшее поколение — это те, кто большую часть трудового стажа работал в советский период, но ушел на пенсию уже в Российской Федерации. Они активно используют новшества транспортной техники и оружия, однако их поколение опирается главным образом на серьезную рыбацкую и охотничью традицию, существовавшую до массового распространения «Буранов» и карабинов с оптическим прицелом. Младшее поколение — люди 25–45 лет. Когда-то в детстве у них была возможность поучиться у деда или отца бесшумно перемещаться по лесу, добывать огонь, когда спички промокли, отслеживать зверя, по несколько дней ночуя в плащ-палатке, метко стрелять с открытого прицела. Однако все технологические инновации в сфере охоты и рыбалки позволяют молодым людям отбросить знания и навыки учителей и наставников прошлых поколений.

Это, безусловно, меняет их отношение не только к труду, но и к возможным «трудностям», которые ожидают адепта избушечной жизни. Первый сдвиг, который я замечаю через беседы в ходе совместных трудовых практик и разговоров за столом после них, это то, что труд переосмысливается молодыми охотниками как идеал «деятельности без трудностей». В свою очередь, деятельность без трудностей и труд без трудностей обладают еще одной важнейшей характеристикой: они протекают быстрее, труд без трудностей — это «ускоренный труд». На самом очевидном уровне это проявляется в более высоких скоростях современных снегоходов по сравнению со старыми «Буранами»; более быстрым и эффективным способом отслеживания зверя (аэронаблюдение); более частых и быстрых выстрелов на охоте (благодаря многозарядным конструкциям, а также благодаря увеличенной дальности стрельбы, что создает больше шансов). Таким образом, более молодым охотникам, располагающим средствами для приобретения техники благодаря наличию оплачиваемой работы, удастся создать технологическое и инфраструктурное ускорение: охота проходит порой быстрее, доехать до избушки от дома у них занимает меньше времени.

Однако на этом ускорения различных типов не заканчиваются: главная темпоральная модальность (Zigon 2018, p. 65), которая подвергается перекраиванию, создается бюрократическими правилами, с помощью которых государство выявляет границы пенсионного и трудового возраста для каждого гражданина при помощи биополитических инструментов. Здесь для меня важен не столько дисциплинарный аспект в биополитике, сколько «более тонкие, более рациональные механизмы: страхование, индивидуальные и коллективные сбережения, меры безопасности» (Foucault 1997, p. 243–244). Само «обещание пенсии» со стороны государства, способ конструирования пенсии и как денежного обеспечения, и как высвобожденного времени бывшего работника — отсылает сразу к нескольким фундаментальным формам «обеспокоенности» граждан: это отложенная форма страхования (и подстраховки в старости); но это и форма реализации «сбережений» в сложном сочетании сбереженных сил, здоровья и свободного времени, которые откладывались работником на потом.

То, что испытывают мои информанты и в какой темпоральной модальности они находятся, — это не состояние надежды, но состояние *ожидания*¹. Еще одно важное понятийное различие становится возможным благодаря разработке английских понятий «waiting» (ожидание) и «expectation» (ожидание), а также соответствующих глаголов, показывающих, что «ожидать» можно по-разному. Гаспарини (Gasparini 1995, p. 31) вводит также третье понятие — «предвкушение», отражающее интенциональность ожидания, а также спорный вопрос о том, *что* из ожидаемого мы действительно можем контролировать и приблизить. В контексте изучаемых мной стратегий выхода на пенсию понятие интенциональности важно, чтобы этнографически описать, чьи действия и бездействие, не-делание (Scott 2007) участвуют в формировании отношений мужчин на избушках. Этот ход позволяет сочетать в исследовании проблемы этнографии труда и антропологии времени.

Для моего замысла имеют особенное значение не все эти преференции, которые предлагаются государством работающим гражданам на пенсии, а то, как эти преференции создают риторический образ «заслуженного отдыха», некоего тропа, по поводу которого идет активная дискуссия между разными поколениями работников. Заслуженность отдыха на пенсии — это то, что требует обоснования и оправдания. Если ты работал дольше других или в более тяжелых (например, северных, арктических) условиях — заслужишь большей пенсии. Но как быть с типом поощрения со сторо-

1 См. различие у: (Zigon 2018, p. 65).

ны государства, которое выражается не в объеме пенсионной поддержки и льгот, а в сокращении официального рабочего периода жизни? Как обосновать подаренное время, а не финансовые средства? Для моих собеседников — мужчин, которые за несколько лет готовятся к выходу на пенсию, в том числе инвестируя все силы, время и деньги в строительство избушек, — это главная дилемма: ведь их напарники по охоте и рыбалке оказались на пенсии гораздо позже, отдав всю молодость наемному труду. Как они объясняют свое право на ранний выход на пенсию своему окружению? Зачем им это нужно делать?

Ранний выход на пенсию возможен по разным причинам. Для 30–40-летних мужчин ключевыми аргументами в списке «льгот» становятся служба в сфере критически значимых гражданских инфраструктур (например, в пожарной службе села), а также условия труда в арктических районах и районах, приравненных к районам Крайнего Севера.

В таком случае необходимо задать вопрос: что такое пенсия с точки зрения моральной карьеры¹ сельских служащих и работников на Севере и в Арктике? Я предлагаю посмотреть на процесс выхода на пенсию как на своего рода *зеркальное* проявление гоффмановской моральной карьеры (Goffman 1964, 1990), связанное не только с обретением нового статуса, идентичности и состояния, но, напротив, — как выход из роли благодаря завершению своей официальной рабочей деятельности (Scott 2018; Scott, Hardie-Bick 2022, p. 82). Те ухищрения, которые применяют знакомые мне хозяева избушек, та сила ожидания, предвкушения и действий по приближению пенсионного возраста складываются в единый рисунок, в котором имеют решающее значение темпоральные модальности: ускорения и замедления различного типа. То, что антрополог может ухватить и описать как ускорение и замедление, возможно именно благодаря соотношению «темпоральной сингулярности и множественности» (Ссорин-Чайков 2021, с. 82). Предлагая этот концептуальный ход, я хочу показать, каким образом процесс раннего выхода на пенсию сельских работников представляет радикальный этнографический пример «моральной карьеры» молодых пенсионеров, стремящихся к жизни и труду на избушках.

1 Я предлагаю рассмотреть феномен моральной карьеры (Goffman 1968, 1990) в других институциональных и внеинституциональных контекстах (Scott, Hardie-Bick 2022, p. 74), вступая в диалог с другими исследователями, рассматривавшими это понятие в сфере спорта, досуговых практик в разных субкультурах, материнства и других областях повседневной жизни (см.: Cohen, Taylor 1993; Liangputtong 2006; Scott, Hardie-Bick 2022).

Двойное ускорение: бюрократические и технологические хитрости на пути к жизни на избушке

«Не говоря уже о естественном снашивании вследствие старости и т.д., у меня должна быть возможность работать завтра при том же нормальном состоянии силы, здоровья и свежести, как сегодня.

Ты постоянно проповедуешь мне евангелие «бережливости» и «воздержания». Хорошо. Я хочу, подобно разумному, бережливому хозяину, сохранить свое единственное достояние — рабочую силу и воздержаться от всякой безумной растраты ее» (Маркс 1952, с. 239)

Чтобы прийти к длительной жизни «на избушке», не ограниченной работой и обязательствами, молодые мужчины играют с податливостью государственной системы, используя ее скрытые ресурсы, не только чтобы «вылезти» из «времени» работы, но также чтобы «вылезти» из времени и пространства семьи. В статье, посвященной влиянию женского отсутствия «на избушках» и заимках как традиционно мужских доменах (Рахманова 2024), я показываю, как по-разному мужчины используют зазор, существующий между гендерным порядком поселка и таежной жизнью. Обязательства перед супругой, детьми, перед семьей в целом — иначе, нежели ценность труда и невозможность для гражданина быть иждивенцем, транслируемая государством, — ограничивают свободу мужчин. Однако с женой договориться проще, чем с системой пенсионного обеспечения. Ниже я покажу, какие ускорения молодые пенсионеры используют в качестве аргумента в спорах с женами. Пожилые охотники и рыбаки имеют, как правило, меньше обязательств: дети выросли, а сварливость супруги уже является не способом сдерживания, но стимулом к бегству из поселка на избушку.

То, что в данной статье я этнографически рассматриваю только мужские решения, мужские судьбы и приоритеты, подчеркивает неоднозначность восприятия труда и отдыха на пенсии. Труд и отдых, свобода и ценность труда, безделье и достижения, бредовость и осмысленность работы — все эти понятия гендерно определены и определены неравновесно: по совершенно разным основаниям. Так, мужчины отмечают, что работа их жен в школе или детском саду является более творческой, чем их позиции заведующих складом, делопроизводителя, заместителя директора бюджетного муниципального учреждения. Несмотря на бытующее в сельских сообществах мнение о том, что в сельской Сибири даже при хорошем образовании у выпускников мало шансов вырваться из бедности и рутины, сам процесс труда учителя не считается ни бесполезным, ни бредовым. В своей статье, выбирая узкий фокус и рассматривая

только мужской труд и отдых, я делаю попытку подступиться к этой проблеме с новой стороны, не фокусируясь на проблеме гендерного неравенства в оплате труда в постсоветской России.

Итак, неравенство возможностей мужчин разных поколений в контексте доступа к труду, отдыху и пенсионному обеспечению я концептуализирую, прежде всего, как *темпоральное неравенство*. Темпоральности, которые я могу здесь выделить, описываются моими собеседниками в категориях труда, работы и пенсии. Две последних категории при этом являются двумя разными отрезками единого биографического времени: пенсия начинается тогда, когда труд на работе заканчивается. При этом «труд» — достаточно неопределенное понятие, поскольку он появляется и в хронотопе избушек (тяжелый труд по проверке сетей или строительству бани в одиночку), и в суете по поводу организации своего раннего выхода на пенсию, и на самой работе в учреждениях села¹.

Связь неравенства темпоральных возможностей и категорий труда, работы и пенсии, таким образом, заимствована мной у моих собеседников. В свою очередь, для уточнения этих понятий в контексте антропологических исследований труда я делаю дополнительный ход, связывая темпоральные неравенства при переключениях между режимом работы и пенсии, труда и отдыха, с феноменом избушечной жизни. Молодые охотники и рыбаки находятся в более выгодном положении по сравнению с пожилыми мужчинами. За что они платят этим ускорением и как планируют потом использовать «сэкономленное» благодаря раннему выходу на пенсию время? Являются ли жизнь и труд на избушке основным стержнем их жизни?

В данном разделе я хочу показать, что для старшего поколения жизнь и труд на избушке являются *инструментом* получения дополнительного дохода, а также способом отсрочить старость (*замедление* благодаря избушечной жизни); для поколения молодых мужчин избушечный быт является, скорее, *целью*, ради которой они высвобождают время (*ускоряют* время работы и выслуги лет),

1 Стоит сделать оговорку, что я рассматриваю стратегию работы на стабильных ставках, находящихся в сельской местности на государственном обеспечении (администрация, почта, ФАП, больница, скорая помощь, пожарная часть, морг и судебно-медицинская экспертиза, школа, и т.д.). Данной стратегии не следуют молодые предприниматели, самозанятые, работники частных магазинов. В связи с этим стратегии выхода на пенсию и способы планирования будущего сильно разнятся даже внутри одного сельского населенного пункта. Однако можно с уверенностью утверждать, что предпринимателей среди хозяев избушек гораздо меньше, чем среди отработавших на стабильной ставке.

копят средства для строительства и благоустройства избыщечного хозяйства, а также приобретают более мощную технику, чтобы ускорить переезды и перевозки людей и грузов между селом и избышкой/базой.

Дэвид Харви отмечает, что «поскольку современность — это опыт прогресса через модернизацию, в работах на эту тему, как правило, подчеркивается темпоральность, процесс становления, а не бытие в пространстве и месте» (Harvey 1992, p. 205). Для моих собеседников, напротив, «ставка» на жизнь «на избышке», ее строительство в отдаленном месте, радость созидания и подготовки будущего бытия «в пространстве и месте» являются определяющими.

Казалось бы, все очевидно и банально: в районном селе или в поселке приходится как-то зацепиться за бюджетную сферу, выслуживаться, получать пенсионные отчисления. Жизнь «начнется» тогда, когда бредовая работа закончится. Тогда можно не работать и жить, катаясь как сыр в масле, на государственные деньги. Но что-то здесь не сходится с самого начала: хозяин строит дом, содержит семью, вкладывает силы, но именно пенсия становится основанием, чтобы получить свободу жить вне основного дома.

В ходе зимних поездок на избышки во время полевой экспедиции 2024 года я беседовала с мужчинами о перспективах избыщечной жизни и об их планах. Большинство из моих собеседников, молодых рыбаков, подходивших к этапу выхода на пенсию или в отставку, говорили о мечтах, в центре которых — переезд вместе с семьей на заимку или избышку, базу. Фактически, если бы нашлось достаточно женщин, готовых променять привычный благоустроенный быт в поселке или селе с магазинами, доступной медицинской помощью и другими благами, мы могли бы наблюдать формирование совершенно нового типа хуторского расселения по берегам рыбных рек и в тайге. Однако этого не происходит: во-первых, потому что мало спутниц молодых пенсионеров соглашаются на такой шаг, во-вторых, потому что часть этих строений, согласно правилам, — это бесфундаментные постройки¹, и большое подворье на такой природной территории не построить.

Рассматривая стремления и мечты мужчин и женщин в изучаемых мной сообществах, я неизбежно прихожу к пересмотру понятия «дом». Где этот «дом» для рыбака и где «дом» находится с точки

1 Дома и избы без фундамента строятся на сваях или других типах опор по двум причинам. Во-первых, согласно законодательству, водоохранная зона возле рек, особенно источников питьевой воды, когда водоохранная зона дополняется санитарной, не допускает строительства бетонизируемых конструкций. Во-вторых, с прагматической точки зрения дома на сваях легко адаптируются к условиям половодья.

зрения его жены? Фактически мы можем наблюдать «расщепление» понятия дома у мужчин в их предпенсионном возрасте. При планировании жизни на пенсии «дом», где проживает семья, жена, дети, о процветании которого мужчина заботился много лет, ценностно смещается на избушку/заимку как основной Дом (забота и инвестиции со временем смещаются на него). Это не может не менять то, как гендерно определен ландшафт как в населенных пунктах, так и за их пределами. Если в сельском «доме» мужчина, как правило, разделяет свои обязанности с другими членами домохозяйств, например, с супругой или сожительницей, то в избушке как «доме», где мужчина часто управляется со всеми задачами автономно, он выполняет как женские, так и мужские роли и обязанности. В статье о феномене «дивида» на сибирской заимке (Рахманова 2024) я показываю, как пространственная удаленность от поселка, особый ландшафт и ритм жизни делают возможным рождение дивида как формы распределенной личности. В данной же статье мне также важно показать, что этот процесс маркирован не только гендерно, но и поколенчески.

104

Работающие на ставке мужчины (пожарная часть, администрация, больница, водоканал и др.) продолжают благоустраивать свои избушки, используя все свободное время — выходные и отпуска. Разумеется, что часто их отлучки из основного дома, из поселка являются поводом для конфликтов с женой и могут даже спровоцировать развод. Однако мечта большую часть времени жить вне села, вне привычного сельского общества, вне пространства кабинета с его дисциплинирующей атмосферой, остается очень сильным мотивом во всех беседах и биографических интервью. Как приблизить эту мечту (это будущее)? Трудиться еще усерднее, выработать стаж, чтобы наконец иметь возможность не на полтора дня приезжать на избушку как территорию свободы и отдыха, а находиться там столько, сколько пожелаешь (закрывая глаза на ворчанье жены). Итак, первое ускорение, к которому охотно прибегают мужчины охотники и рыбаки, — это ускорение выслуги лет, ускорение зачета стажа. Для него задействуются все легальные и бюрократические механизмы, дающие льготы и ускоряющие накопление стажа.

Второе ускорение — ускорение техническое, инфраструктурное. Оно стало очевидно для меня из диалогов с пожилыми охотниками. Выше я отмечала, что покупка более мощной техники делает дорогу от цивилизации на избушку более легкой и быстрой. Критика данного способа ускорения — это то, к чему прибегают пожилые пенсионеры, у которых нет возможности накопить и приобрести такие автомобили, лодки и снегоходы. Они с иронией отмечают, что те, кому все дается легко, в том числе — дорога на удаленную заимку

или избушку, — теряют свое здоровье, а их тела становятся менее адаптированными к суровым условиям пути и труда. Однако, конечно, в моем лице пожилые собеседники нашли внимательного слушателя, подшучивая над молодыми, тогда как последние только ухмыляются, с некоторой гордостью поглядывая из окна на припаркованный новехонький снегоход (по сравнению с ветхими «Буранами» стариков).

Насколько физический труд является отдыхом, обязанностью, необходимостью в каждом отдельном случае? Когда мужчина выходит на пенсию в 40 лет, чему он посвящает себя, получив свободное время? Так ли он стремится проводить больше времени на избушке, как мечтал прежде? Отдыхает или трудится? Очевидно, что он не работает в смысле бюрократически оформленных рабочих задач. Прежде чем рассмотреть то, как отдых и досуг прикрываются трудом и сливаются друг с другом до неразличимости, я рассмотрю темпоральные модальности и отношение со временем у старшего поколения охотников и рыбаков, позже вышедших на пенсию.

Избушка как инструмент замедления старения

105

«Труд, продолжающийся более 12 часов, имеет своей тенденцией разрушение здоровья рабочего, преждевременную старость и раннюю смерть и, таким образом, ведет к несчастью рабочих семей, у которых отнимаются ("are deprived") попечение и опора главы семейства как раз в такое время, когда это всего более необходимо». (Маркс 1952, с. 257)

Чтобы переключиться с логики будущих молодых пенсионеров на логику их старших товарищей и соратников, я предлагаю рассмотреть высказывание Майкла Буравого из его лекции «Марксизм после Коммунизма», прочитанной в Университете Бухареста (Вигану 2012): «быть эксплуатируемым стало привилегией». Как это возможно, что за парадоксальное высказывание? Отражает ли оно страх потери рабочего места и заработной платы? Как эту тенденцию можно вписать в контекст борьбы с тунеядством в СССР? Неформальные избушечные разговоры часто сводились к обсуждению блага иметь официальную оплачиваемую работу.

Для пожилых мужчин, даже несмотря на их горькие ностальгические воспоминания о тяжелом труде на узкоколейке, в лесной промышленности, рыболовецких колхозах в советское время, право официально работать являлось привилегией. Однако зачастую эти светлые воспоминания сопровождались оговорками о вечно болящих руках и плечах, приобретенных хронических заболеваниях. Незаметно разговоры за столом перетекали от блага трудоустроен-

ности к историям ранних смертей их товарищей, которые были слишком усердными работниками. Ни разу в этих воспоминаниях и беседах мне не встретилось упоминание понятия «свобода». Даже если мы примем за точку отсчета социальный сдвиг, который привел к переопределению свободы, связав ее уже не с независимостью, а с множественностью возможностей «зависимости»/dependence (Fergusson 2013, p. 226), эта иллюзия выбора, дающая агентность, едва ли была доступна советским труженикам леспромхозов и рыболовецких бригад, с которыми я общалась в рамках многолетних полевых исследований.

В полевой работе я подметила, что часто такие разговоры словно растворялись в воздухе, не имея возможности найти четкий аргумент для завершения. В глазах молодых рыбаков застыл немой вопрос: «и это твое благо?» — хотели спросить каждый раз они, споря о праве раньше выйти на пенсию. Но все же — предупредительно молчали. Кэролин Хамфри пишет об этом парадоксе межпоколенческого разрыва: «Кто пойдет и будет выполнять тяжелую работу? Кто останется на месяцы в крошечной, неудобной лачуге? Кто пойдет на рынок, чтобы продать продукцию? <...> Именно пожилые пенсионеры несут эти тяготы» (Humphrey 2002, p. 152).

Если попытаться этнографически объяснить этот парадокс, нам придется ходить по кругу. Почему пенсионеры, родившиеся и трудившиеся в СССР, не пытались и не пытаются изменить ситуацию, и приняли время выхода на пенсию в обозначенный государством срок? Является ли это отсутствием воли, бездействием или формой агентности? Является ли это проявлением ожидания того, что «все придет от других» (Bourdieu 2000, p. 237) — и в форме патерналистских ожиданий по отношению к оставившему их советскому государству, и в форме надежд на родственные связи и поддержку детей? Безусловно, нет! И здесь я соглашусь с мыслью, что «жить социально — значит, ждать его (обещания. — Л. Р.) исполнения, а значит, и верить в него, не в когнитивном смысле — мысленно соглашаться с набором пропозиций... а в волевом, экономическом смысле — отдавать должное (credere) обещанию» (Reinhardt 2018, p. 11). Исполнять обещанное — важный элемент того, как понимается достоинство советского гражданина, даже несколько изменившись в постсоветской реальности. Джеймс Фергюсон (2013), разрабатывая идею «декларации зависимости», показывает, как ценность автономии и независимости человека, которая напрямую связывалась со свободой и достоинством, мутировала до неузнаваемости и превратилась в гонку за комфортными формами подчинения. Этот смутный дискомфорт от «зрелища», в котором молодые мужчины выстраивались

в очередь за «кормящим» бюджетным местом — «дискомфортные отношения с зависимостью» (discomfort with dependence) (Ferguson 2013, p. 226), — очень точно описывают чувства моих старших собеседников. Именно их едкие замечания и привели меня к формулировке моего исследовательского вопроса, озвученного во введении.

При появлении на горизонте молодых кандидатов в пенсионеры, которые приняли решение идти по иной траектории, торопить время и приближать освобождение от работы с помощью выхода на пенсию, пожилые мужчины невольно стали «карьерными друзьями» (Lindesmith et al. 1999) для младшего поколения. С одной стороны, над ними подшучивали, с другой стороны, от них ждали одобрения стратегии. В те моменты разговоров, когда это признание допустимости раннего выхода на пенсию могло прозвучать, беседа как-то неловко обрывалась или переходила совершенно в другой регистр: старшие охотники и рыбаки начинали рассказ о том, почему поздняя пенсия и труд «на избушках» даже после завершения службы на рабочих местах — это несомненное благо и привилегия их поколения.

Для старшего поколения труд «на избушках», в котором есть все вышеописанные трудовые элементы и трудности, — это способ работы со временем, даже борьбы с быстротечностью времени. Выходя на пенсию поздно, мужчина обнаруживает, что силы, энергия, сноровка утрачены. На любимую рыбалку и охоту как форму труда осталось не так много времени жизни и сил. Но именно потому что сил, казалось бы, мало, следует подвергать себя изнуряющему физическому труду: не сразу, но он способен поддержать отличную физическую форму и продлить пенсионное время как время активное и во многом — счастливое. Таким образом, не ускоряя и не приближая пенсионный возраст, но усугубляя тяжесть труда «на избушке», старшее поколение удивительным образом отвечает на вызов старения и приближения смерти, на вызов биографического времени (которое подходит к концу, истекает). Большинство моих собеседников описывали старость и смерть в терминах истощения сил, быстрой утомляемости; реже — с точки зрения ясности сознания и четкости памяти. И в этом смысле время жизни и полноты сил — светское. С некоторой робостью пожилые люди, воспитанные в Советском Союзе, упоминали также о молитве, воздаянии за грехи и примирение с фактом приближающейся смерти через веру в Бога. Так, например, недавно ушедший из жизни охотник в последние годы стал набожным, по словам его друзей, и даже построил в тайге часовню (рис. 3).

Рис. 3. Часовня в тайге, входящая в комплекс построек на заимке.

Март 2024. Источник: фото автора.

Fig. 3. The chapel in taiga, a part of the complex of buildings at the lodge.

March 2024. Source: photo by the author.

108

Несмотря на то что в беседах на избушках постоянно проскальзывали вопросы веры и суеверий, обсуждались различные формы религиозного опыта, время земной жизни оставалось по-прежнему приравнено к биологическому существованию на земле. Строительство часовни в тайге было значимо для хозяина заимки, но после его смерти перспектива вечности благодаря этой необычной часовне не стала ближе его товарищам и соседям. Таким образом, мы видим, что ускорение становится возможным благодаря уклонению от работы (не от труда) в разные периоды жизни мужчины; тогда как замедление совершается через трудовые практики (строительство избы или даже часовни, колка дров, выматывающие лыжные переходы на охоте).

Видимость рыбалки и скрытое время

«Таким образом, негативно определенный символический социальный объект не похож на черную дыру, уничтожающую энергию и материю; напротив, он способен породить совершенно другую цепь событий в социальном мире, которая не могла бы существовать, если бы не было первоначального (несделанного) действия». (Scott 2007, p. 7)

В этом разделе я предлагаю вернуться к ситуации, в которой поколения работающих мужчин и пенсионеров объединены в одном

пространстве (избушке) и в одно время (труда и отдыха) за пределами населенных пунктов. В дополнение к тому, как кандидаты в пенсионеры обосновывают свое право и возможность на ранний выход на пенсию, а также в дополнение к тому, как старшие их товарищи эту лазейку воспринимают и оценивают, я предлагаю задать-ся вопросом: а что же оба поколения на самом деле делают «на избушках», наконец освободившись от рабочих обязанностей? Здесь мне поможет концепт «серьезного досуга» (*serious leisure*) (Stebben 1992), который необходимо проводить настолько интенсивно, почти что «профессионально» и публично, что однажды такой отдых начинает требовать огромного драматургического труда (Scott 2007, p. 11).

Интересно, что исследователи, предлагающие этнографически насыщать понятие моральной карьеры, исследуя с применением этой опти-ки разные сферы жизни, применяют также и понятие «досуговой карьеры» (Cohen and Taylor 1993, p. 38; Scott, Hardie-Bick 2022, p. 75), которая предполагает и серьезность намерений, и серьезных перформативных жестов, которые используются «отдыхающими профессионалами». В этом ключе я имею счастливую возможность сравнить то, как при-крывают тяжелым трудом отдых на избушках завсегдатаи этого про-странства, и как это пытаются делать приезжие.

109

Сьюзи Скотт отмечает, что «жесты власти и сопротивления на микроуровне могут выражаться в повседневных разговорах о ничто. Например, рассмотрим диалог: “Что ты делаешь?” / “Ничего...”, в ко-тором ответ защищает занятие “чем-то”, не имеющее отношения к спрашивающему. Заявление о том, что человек “ничего не делал” в выходные, — это представление безделья в качестве заметного до-суга, сигнализирующего о свободе от обязанности заниматься неже-лательными делами» (Scott 2007, p. 3). Кто в моем контексте на избуш-ках смеет заявлять открыто, что он «ничего не делал»? Ни хозяева, ни приезжие, по сути, никогда это не произносят. Игра в серьезный труд (серьезный досуг) заполняет все наши посиделки и разговоры.

Городские мужчины вынуждены ездить в «гости» на базы и тер-ритории рядом с базами и избушками более целеустремленных и хозяйственных людей, которые в разном возрасте успели обжа-вестись на реке своими строениями. Тем не менее, обосновать необ-ходимость уезжать на речку с ночевкой оказывается очень сложно: гость, в отличие от хозяина избушки, не обязан протапливать ее, следить за жизнеобеспечением. Поэтому горожанам приходится проезжать по 4–5 часов в зимней темноте, зарываясь в колеи и су-гробы, ради нескольких часов рыбалки.

В этом случае труд (утомительный водительский, в дороге, и ры-бацкий экстремальный — много часов на холоде) не конституиру-ется наличием или отсутствием избушки. В ней можно погреться по пути, но она не может быть оправданием бегства, целью, инстру-

ментом. Поэтому бегству из города приходится находить другие оправдания. Если самому достаточно рыбы поймать не удалось, приходится покупать рыбу у местных рыбаков.

Покупка рыбы, чтобы показать, что ты не только «точно трудился», но и «не зря был» на рыбалке, чрезвычайно примечательна. У этих мужчин-гостей, независимо от возраста, различные вышеописанные формы работы со временем — бюрократическим временем пенсии, временем светового дня, временем активной жизни — не прослеживаются. Это интересным образом подтверждает мою идею о неочевидной связи между формами работы и труда, темпоральными хитростями и политиками и тем, как в них участвует избушка вдали от населенных пунктов.

Ранее в статье о конституирующем женском отсутствии и дивидуальности субъектов, живущих «на избушках» (Рахманова 2024), я предложила интеллектуальный ход, связанный с тем, что с помощью избушки можно «мыслить». В данном случае я делаю ход дальше, показывая неразделимость двух сторон: избушки как способа мыслить (сквозь нее и вместе с ней) и избушки как способа действовать (через нее, ради нее или с ее помощью). В контексте этнографии труда избушка как способ действовать и мыслить становится также значимым феноменом, чтобы оправдывать бездействие и «превращать» серьезный досуг в тяжелый труд. Избушка — неотъемлемый участник в играх, где труд незаметно переходит в отдых и обратно. Важно то, что она находится за пределами физического и социального пространства населенных пунктов, где действует логика «работы», переходящей в пенсионное время.

110

Заключение

В данном тексте мы пропутешествовали за мечтами сибирских мужчин, живущих в сельской местности, и на основе этнографического материала — наблюдений, разговоров за стопкой или чашкой чая — мне удалось выявить несколько временных модальностей (Ссорин-Чайков 2021, с. 82; Zigon 2018, p. 65), а точнее — техник ускорения и замедления времени в различных социальных логиках: бюрократической, экологической, биографической. В центре внимания оказались разговоры в избушках, неформальная болтовня, выстраивание планов по реализации мечты. Мечты старшего и младшего поколения отличались разительно: не только благо и счастье, но свобода, (не)зависимость, собственное достоинство и понимание труда подвергались пересмотру и обсуждению. Точкой отсчета и для моего внимания, и для старшего поколения хозяев избушек стал смутный дискомфорт, связанный с тем, как активно молодые мужчины искали способы получить удобную «кормящую» работу для того, чтобы поскорее выйти на пенсию, используя северные льготы, выслугу лет, стаж и другие механизмы.

Для их предшественников работа на советском предприятии смыкалась с практикой труда, и они не были противопоставлены друг другу так остро. Молодые рыбаки и охотники, напротив, страстно искали этой ожидаемой, выгодной «зависимости», в терминологии Фергюсона (2013), чтобы потом прийти к тому, что они сами считали «свободой», независимостью, автономией. Реализация же этой желанной свободы как раз и должна, по их замыслу, разворачиваться именно за пределами населенных пунктов, на избушках и базах.

Исследование показало, что кандидатам в молодые пенсионеры необходимо одобрение их стратегии не со стороны семей или односельчан, но со стороны сообщества хозяев избушек — рыбаков и охотников, которые после выхода на пенсию окажутся их главной референтной группой, их братством. Не видя всей картины, не называя, подобно мне, все эти хитрости и стратегии молодых мужчин ускорением, старики тем не менее чувствуют скрытую тревогу, когда подмечают явное биографическое и инфраструктурное превосходство их молодых товарищей. Однако не снегоход и не размер пенсии являются существенным социальным, экономическим, правовым приобретением молодых пенсионеров. Время и пространство избушки — вот что приобретается, оспаривается, вот что может вызывать раздражение и зависть, поскольку у кого-то это «избушечное время» наступило позже, чем у других.

111

Таким образом, возвращаясь к картофельным онтологиям постсоветских дачников, я предлагаю иначе посмотреть на идею Нэнси Рис, которая представляет картошку как «символически, исторически и политически заряженное явление, безмерно перегруженное значимостью при всей своей (или благодаря всей своей) простецкой (lumpen) банальности. Картофель олицетворяет инвестиции труда и преданности, которые проводят людей и народы через исторические эпохи» (Ries 2009, p. 202). Для старшего поколения охотников и рыбаков избушка, как и картофель в случае исследования Рис, — это символически, исторически и политически нагруженный феномен. Избушки формируют «остров времени» (см.: Ссорин-Чайков 2021, с. 82), отдельный от сельских и городских пространств с их «рабочими графиками» и судьбами, с их пристальным наблюдением и сплетнями об односельчанах. И именно потому, что объект приложения труда (урожай картофеля, здания избушки, улов рыбы) так или иначе репрезентирует гигантские инвестиции воли и сил, это «переозначивание» избушек как совершенно иного пространства для пенсионного отдыха, прикрытого трудом, ужасает пожилых наставников молодых пенсионеров.

Что именно вызывает скрытое недовольство старшего поколения мужчин? Что их волнует больше: последовательные действия в рамках трудового законодательства, позволяющего выйти на пенсию, или же то, как именно обосновывается стремление молодых мужчин

выйти на пенсию пораньше? Несмотря на разницу языков описания и огромную культурную, социальную, классовую дистанцию, наблюдение старших крайне близко интерпретации Дж. Фергюсона: «Вместо того чтобы стремиться вырваться, отбросить или бороться с отношениями иерархического подчинения (как ожидал бы и одобрял эмансипирующий либеральный разум), они тратят необычайную энергию на их поиск» (Ferguson 2013, p. 224). Однако в случае моего исследования отношения к труду в постсоветских поселках Западной Сибири все оказывается не так просто: стремление к подчинению — лишь первый шаг в этой стратегии молодых пенсионеров. Несвобода важна для того, чтобы из кабального и бредового труда поскорее вырваться на раннюю пенсию, в которой заключена свобода.

Если они оправдывают свое стремление не многолетним тяжелым трудом, а тем, что высвобождающееся время им необходимо, чтобы скорее *начать* радостно трудиться «на избушке», то здесь возникает совершенно новый тип моральной карьеры (moral career) современных охотников и рыбаков, которая обнаруживается благодаря спорам вокруг интерпретации права доступа к пенсии. Таким образом, избушка, подобно картофелю в исследовании Нэнси Рис, «дискурсивно <...> предстает в качестве референта, который суммирует многогранные, исторически и культурно значимые стратегии, которые семьи, сети и сообщества вынуждены применять в постсоциализме» (Ries 2009, p. 187).

В каком смысле избушечная жизнь является референтом? Потому ли, что она в некотором роде оказывается предметом страстных желаний и стремлений мужчин, работающих в сельской местности? Является ли избушка и избушечная жизнь тотальным социальным фактом по М. Моссу? Если мы применим эту оптику, то придется признать, что избушечная логика обладает способностью проникать во все сферы жизни: определять экономические интересы, корректировать стратегии отцовства и женитьбы и даже изменять ощущение времени жизни. Я скорее склоняюсь к комментарию Ж. Бодрийяра о кризисе социального и того, как он использует в своем анализе не только понятие «референция», но и понятие отражения, зеркала: «зеркало социального» раскрывается как «зеркало, отражающее социальное» и «социальное, играющее роль зеркала» (Бодрийяр 2000, с. 13). В моем тексте стремительное возникновение избушек, их рост, укрупнение рыбацких и охотничьих баз — это «пенсионное пространство» и связанные с ним пространственные изменения, которые «играют роль зеркала». Это именно то, что мы можем этнографически ухватить и наблюдать как тенденцию, то, что является стимулом для постановки исследовательского вопроса статьи.

При этом «пенсионное время», стремительный выход на пенсию молодых мужчин, как раз и позволяющий им совершать экспансию в пространство избушечной жизни, захватывая лучшие места, — это

зеркало, отражающее социальное. Ускорение молодых — образ, отражающий положение дел в провинции, именно он заставляет волноваться пожилых охотников и рыбаков. Их ощущение несправедливости — временное, биографическое, осмысляемое через длину и структуру своей жизни. В этом смысле — пространственные и экономические разрывы и неравенства вторичны: они лишь играют роль «зеркала», но отражают последствия, а не глубинные причины.

Финансирование / Funding

Данная статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00962 «Экономическая антропология домохозяйства современной России за пределами мегаполисов» (рук. Н. В. Ссорин-Чайков),

<https://rscf.ru/project/23-18-00962/>

This article was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00962 “Economic anthropology of the household of modern Russia outside megacities” (supervised by N. V. Ssorin-Chaikov),

<https://rscf.ru/project/23-18-00962/>

113

Список источников / References

Бодрийяр Ж. (2000) *В тени молчаливого большинства, или Конец социального*. Екатеринбург: издательство Уральского университета.

— Baudrillard J. (2000) *In the Shadow of the Silent Majority, or The End of the Social*. Yekaterinburg: Ural University Press. (in Russ.)

Гребер Д. (2020) *Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда*. М.: Ад Маргинем пресс.

— Graeber D. (2020) *Bullshit Jobs. A Treatise on the Spread of Meaningless Labor*. Moscow: Ad Marginem Press. (in Russ.)

Касаткина А. К. (2024) Субстанции отношений и нарративное разделение труда в дачном домохозяйстве. *Этнографическое обозрение*, 6: с. 23–41. EDN: VUCVUT. <https://doi.org/10.31857/S0869541524060027>

— Kasatkina A. K. (2024) Substances of Relations and Narrative Division of Labor in a Dacha Household. *Ethnographic Review*, 6: pp. 23–41. (in Russ.) <https://doi.org/10.31857/S0869541524060027>

Касаткина А. К. (2015) Частная собственность и коллективное товарищество: режимы собственности и социальные отношения в садоводческих некоммерческих товариществах Ленинградской области 2000-х гг. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 1: с. 163–178. EDN: TPHXNR

— Kasatkina A. K. (2015) Private Property and Collective Partnership: Property Regimes and Social Relations in Gardening Non-Profit Partnerships in the Leningrad Region in the 2000s. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 1: pp. 163–178. (in Russ.)

Маркс К. (1952) *Капитал. Критика политической экономии*. Т. 1. Процесс производства капитала. М.: Государственное издательство политической литературы.

— Marx K. (1952) *Capital. Critique of Political Economy*. Vol. 1. The Process of Capital Production. М.: State Publishing House of Political Literature. (in Russ.)

Петряков С. (2024) По ту сторону «работы» и «отдыха»: классификационная неопределенность в коммерческом собирательстве дикорастущих ягод в Карелии. *Антропологический форум*, 61: с. 53–78. EDN: MMLRTB. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2024-20-61-53-78>

— Petryakov S. (2024) Beyond “Work” and “Rest”: Classification Uncertainty in Commercial Wild Berry Foraging in Karelia. *Anthropological Forum*, 61: pp. 53–78. (in Russ.) <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2024-20-61-53-78>

Рахманова Л. Я. (2024) Дивид на заимке, заимка как дивид: этнография сибирской избушки сквозь призму женского отсутствия. *Этнографическое обозрение*, 6: с. 41–66. EDN: VTYQAU. <https://doi.org/10.31857/S0869541524060035>

— Rakhmanova L. Ya. (2024) Dividend on the Farmstead, Farmstead as Dividend: Ethnography of a Siberian Hut through the Prism of Female Absence. *Ethnographic Review*, 6: pp. 41–66. (in Russ.) <https://doi.org/10.31857/S0869541524060035>

Ссорин-Чайков Н. В. (2021) Антропология времени: очерки истории и современности. *Этнографическое обозрение*, 6: с. 81–101. EDN: OQOXIY. <https://doi.org/10.31857/S086954150017934-7>

— Ssorin-Chaikov N. V. (2021) Anthropology of Time: Essays on History and Modernity. *Ethnographic Review*, 6: pp. 81–101. (in Russ.) <https://doi.org/10.31857/S086954150017934-7>

Фергюсон Дж., Ломан Л. (2016) Машина антиполитики: «развитие» и бюрократическая власть в Лесото. *Социология власти*, 4: с. 152–167. EDN: XIQDJP

— Ferguson J., Lohman L. (2016) The Machine of Anti-Politics: “Development” and Bureaucratic Power in Lesotho. *Sociology of Power*, 4: pp. 152–167. (in Russ.)

Adam B. (1998) *Timescapes of Modernity: The Environment and Invisible Hazards*. London: Routledge.

Bendixsen S., Eriksen T. H. (2018) Time and the Other: Waiting and Hope among Irregular Migrants (pp. 87–112). In Janeja M. K. & Bandak A. (eds.) *Ethnographies of Waiting: Doubt, Hope and Uncertainty*. L.: Bloomsbury Publishing.

Bourdieu P. (1977) *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge: Cambridge University Press.

Bourdieu P. (2000) *Pascalian Meditations*. Cambridge: Polity.

Burawoy M. (1985) *The Politics of Production*. London: Verso.

Burawoy M. (2012) *Marxism after Communism*. Bucharest: Public Lecture, University of Bucharest.

Burke E. (1800) *Thoughts and Details on Scarcity*. London.

Clarke S., Varshavskaya L., Alasheev S., Karelina M. (2000) The Myth of the Urban Peasant. *Work, Employment, and Society*, 14 (3): pp. 481–499. <http://dx.doi.org/10.1017/S0950017000000283>

- Cohen S., Taylor L. (1993) *Escape Attempts: The Theory and Practice of Resistance to Everyday Life*. London: Routledge.
- Cooper F. (1992) Colonizing Time: Work Rhythms and Labor Conflict in Colonial Mombasa (pp. 209–245). In Dirks N. (Ed.) *Colonialism and Culture*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Evans-Pritchard E. E. (1940) *The Nuer: A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People*. Oxford: Clarendon Press.
- Ferguson J. (1985) The Bovine Mystique: Power, Property and Livestock in Rural Lesotho. *Man. New Series*, 20 (4), pp. 647–674. <https://doi.org/10.2307/2802755>
- Ferguson J. (2013) Declarations of dependence: labour, personhood, and welfare in southern Africa. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 19(2): pp. 223–242. <https://doi.org/10.1111/1467-9655.12023>
- Foucault M. (1997) *Society Must Be Defended: Lectures at the Collège de France, 1975–1976*. New York, NY: St. Martin's Press.
- Gasparini G. (1995) On Waiting. *Time & Society*, 4(1): pp. 29–45. <https://doi.org/10.1177/0961463X95004001002>
- Goffman E. (1968) *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. Harmondsworth: Penguin Books.
- Goffman E. (1990) *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. Harmondsworth: Penguin Books.
- Harvey D. (1992) *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Cambridge & Oxford, UK: Wiley-Blackwell.
- Humphrey C. (2000) Subsistence Farming and the Peasantry as an Idea in Contemporary Russia (pp. 136–159). In Leonard P. & Kaneff D. (Eds.) *Post-Socialist Peasant? Rural and Urban Constructions of Identity in Eastern Europe, East Asia and the Former Soviet Union*. Basingstoke: Palgrave.
- Humphrey C. (2002) *The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies After Socialism*. Ithaca, L.: Cornell University Press.
- Liamputtong P. (2006) Motherhood and “Moral Career”: Discourses of Good Motherhood among Southeast Asian Immigrant Women in Australia. *Qualitative Sociology*, 29 (1), pp. 25–53. <https://doi.org/10.1007/s11133-005-9006-5>
- Lindesmith A. R., Strauss A. L., Denzin N. K. (1999) *Social Psychology*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Mollona M. (2005) Gifts of Labour: Steel Production and Technological Imagination in an Area of Urban Deprivation, Sheffield, UK. *Critique of Anthropology*, 25 (2), pp. 177–98. <http://dx.doi.org/10.1177/0308275X05052022>
- Morris J. (2016) *Everyday Post-Socialism. Working-Class Communities in the Russian Margins*. London: Palgrave Macmillan.
- Pallot J., Nefedova T. (2003) Geographical Differentiation in Household Plot Production in Rural Russia. *Eurasian Geography and Economics*, 44(1), pp. 40–64. <http://dx.doi.org/10.2747/1538-7216.44.1.40>
- Pallot J., Nefedova T. (2007) *Russia's Unknown Agriculture: Household Production in Post-*

Socialist Rural Russia. Oxford: Oxford Geographical and Environmental Studies.

Reinhardt B. (2018) Waiting for God in Ghana: The Chronotopes of a Prayer Mountain (pp. 113–137). In Janeja M. K. & Bandak A. (eds.) *Ethnographies of Waiting: Doubt, Hope and Uncertainty*. L.: Bloomsbury Publishing.

Ries N. (2009) Potato Ontology: Surviving Postsocialism in Russia. *Cultural Anthropology*, 24(2), pp. 181–212. <https://doi.org/10.1111/j.1548-1360.2009.01129.x>

Rundell J. (2009) Temporal Horizons of Modernity and Modalities of Waiting (pp. 39–53). In Hage G. (Ed.) *Waiting*. Victoria: Melbourne University Press.

Scott J. (1998) *Seeing like a state: how certain schemes to improve the human condition have failed*. New Haven and London: Yale University Press.

Scott J. (2009) *The art of not being governed: an anarchist history of upland Southeast Asia*. Yale University Press.

Scott S. (2018) A Sociology of Nothing: Understanding the Unmarked. *Sociology*, 52 (1), pp. 3–19. <https://doi.org/10.1177/0038038517690681>

Scott S., Hardie-Bick J. (2022) Moral Career (pp. 74–84). In Jacobsen M. H. & Smith G. (Eds.) *The Routledge International Handbook of Goffman Studies*. Routledge: London.

Ssorin-Chaikov N. (2003) *The Social Life of the State in Subarctic Siberia*. Stanford: Stanford University Press.

116 Stebbins R. (1992) *Amateurs, Professionals and Serious Leisure*. Montreal: McGill-Queens University.

Thompson E. P. (1967) Time, Work-Discipline, and Industrial Capitalism. *Past and Present*, 1: pp. 56–97. <https://doi.org/10.1093/past/38.1.56>

Zigon J. (2018) Hope and Waiting in Post-Soviet Moscow (pp. 65–86). In Janeja M. K. & Bandak A. (eds.) *Ethnographies of Waiting: Doubt, Hope and Uncertainty*. L.: Bloomsbury Publishing.

Об авторе / About the author

Рахманова Лидия Яковлевна — кандидат социологических наук, доцент Департамента истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Российская Федерация. Научные интересы: экологическая антропология, исследования постсоветских руин и ландшафтов, неформальное природопользование, антропология питания, этика полевого исследования, этнография охотничьего и рыбацкого промысла за пределами населенных пунктов.

<https://orcid.org/0000-0002-7475-3609>. E-mail: lrakhmanova@hse.ru

Lidia Rakhmanova — PhD in Sociology, associate professor, Department of History, National Research Institution “Higher School of Economics”, St. Petersburg, Russian Federation. Sphere of interests: ecological anthropology, postsoviet ruins and landscapes studies, informal nature management, anthropology of food and nutrition, fieldwork ethics, ethnography of hunting and fishing beyond villages.

<https://orcid.org/0000-0002-7475-3609>. E-mail: lrakhmanova@hse.ru